С одной стороны, М. Н. Сперанский интересовался деятельностью Похомия Серба (Логофета), как деятеля русской литературы и общественной мысли XV в.; он обращал внимание на сербские надписи на русских и украинских книгах как на важный источник по изучению русско-украинско-сербских связей в XVI—XIX вв.; он изучал русские связи Вука Караджича и т. п. С другой стороны, М. Н. Сперанский собрал немало материалов для истории русского (а с XVII в. и украинского) влияния на сербскую литературу и письменность в XIII—XVIII вв. Он выявил и изучил сербские переводы многих произведений древнерусской литературы и письменности: житий (князей Бориса и Глеба, князя Мстислава, княгини Ольги, Феодосия Печерского, литовских мучеников и др.), проповедей (митрополита Илариона, Кирилла Туровского, Феодосия Печерского), исторических повестей (Сказание о Софии царьградской, Повесть о разорении Царьграда латинянами, Повесть о взятии Царьграда турками), апокрифов, «Исторической Палеи», памятников церковного права и т. п.

Кроме того, М. Н. Сперанский показал, что подобно тому, как «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона было использовано сербским писателем XIII в. иноком Доментианом для жизнеописания сербских государей, сербский Хронограф был составлен в XVI в. по образцу русского Хронографа первой редакции, а на рубеже XVII—XVIII вв. «Анфологион» и произведения Димитрия Ростовского через посредство церковной школы явились источником виршевого стихотворства В. Ракича.

Публикуемая ныне статья органически связана по своей проблематике с указанными выше.

Неизвестное произведение Г. Венцловича «Вирши на Воскресение Христово» 1730-х годов и анонимные произведения сербской церковно-школьной поэзии XVIII в. рассмотрены в ней на широком фоне развития русско-украинско-сербских связей XVIII в. (творчество И. Раича, В. Ракича, Г. Венцловича, Эм. Казачинского). Изучение этих произведений соотнесено с вопросом о книжных и рукописных источниках сербских духовных стихов в сборниках Вука Караджича и П. А. Бессонова «Калеки перехожие».

Поскольку те украинские вирши (канты, псальмы), влияние которых на сербские духовные стихи раскрывает М. Н. Сперанский, были широко распространены и в русских рукописных сборниках, а связи Сербии с Россией, в частности с Московской славяно-греко-латинской академией, развивались параллельно с общением Сербии и Украины, предстоит попытаться уточнить определение непосредственных источников знакомства сербов с русско-украинским школьным стихотворством. Поиски в южнославянских древлехранилищах, в архивах сербских школ XVIII в. (например, Карловацкой) могли бы обнаружить те сборники русско-украинских виршей, по которым сербские писатели осваивали форму книжного духовного стиха, а простые переписчики распространяли сочинения русских и украинских авторов, слегка (и не всегда удачно) приспособляя их язык к живой речи сербских читателей.

Статья М. Н. Сперанского печатается по черновому автографу 1915 г., хранящемуся в Москве (ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, ед. хр. 34, на 26 + 11 листах). Часть этого автографа, относящаяся к виршам В. Ракича об Алексее человеке божием, была обработана и напечатана автором в 1934 г., во втором томе «Трудов Института славяноведения АН СССР». Публикуемая статья является ее продолжением и подобно предыдущей устанавливает зависимость анонимных сербских церковно-школьных виршей в честь праздников и святых от украинских образцов.

Собирая материалы по истории старинной русской литературы, я интересовался, естественно, также вопросом о соотношениях между русской и южнославянскими литературами. Расширяя и исследуя произведения, говорившие о влиянии южнославянских литератур на русскую в древний, первоначальный ее период, я должен был неизбежно столкнуться с вопросом не только этого влияния, но и взаимоотношений русской литературы с южнославянскими — болгарской и сербской.

Оказалось, что в XIII—XVIII вв. нередко наблюдается переход на Балканы и древнерусских памятников, а с XVII в. — и украинских произведений, и памятников южнославянских, но в русском изводе.[1]

Как и для более древнего времени (XI—XVII вв.), так и для более позднего (XVIII—XIX вв.) этот вопрос разработан и освещен все еще

[1] См. об этом подробнее: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских связей. М., 1960; В. Д. Кузьмина. Хронологический список трудов академика Михаила Несторовича Сперанского. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 594—612, №№ 6, 39, 43, 48, 104, 133, 162, 166, 187, 191, 240, 242 и др.